

В. Я. МЫРКИН

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ РЕЧИ В КОРРЕЛЯЦИИ: ЯЗЫК — РЕЧЬ

Как известно, противопоставление языка и речи является одной из самых спорных проблем сосюрковского наследия, порождающей вплоть до сегодняшнего дня полярные утверждения: от абсолютного разграничения языка и речи (на различных основаниях) до абсолютного их совмещения¹. Причем центр дискуссии сосредоточен на понятии языка, в то время как понятие речи — наблюдаемого, чувственно воспринимаемого, словом, бесспорно реального феномена языковой деятельности — не вызывает особых разногласий и формулируется так: «...Каждый раз, когда один человек говорит что-либо другому, мы имеем дело с речевым, актом, или речью. Речь всегда конкретна, она приурочена к определенному месту и к определенному времени. Она предполагает наличие говорящего („отправителя“), слушателя („получателя“) и предмета, о котором идет речь»². Или короче так: «Речь — это использование языка отдельным лицом в конкретной ситуации, это — индивидуальный акт»³.

Эти предельно отчетливые и недвусмысленные дефиниции речи не вызывают, надо полагать, принципиальных возражений в современной науке, хотя в каноническом «Курсе...» Ф. де Соссюра именно в таком виде они не даны.

Тем не менее в более подробном и конкретном толковании понятия речи встречаются некоторые разногласия, которые на фоне дискуссии о языке остаются как-то в тени. Эти разногласия и противоречивые суждения основываются, с одной стороны, на некоторых противоречивых формулах самого Ф. де Соссюра, имеющих в «Курсе...», что не хорошо известным причинам вполне объяснимо, и, с другой стороны, на вольном или невольном игнорировании уточнений и разъяснений данного вопроса в научной литературе послесоссюрковского языкознания.

Целью данной работы и является снятие таких неточных суждений о речи в дихотомии языка и речи, которые на современном этапе науки о языке в общем-то не должны быть, как мне представляется, дискуссионными.

1. Ф. де Соссюр, как известно, противопоставил в «Курсе...» язык и речь как социальное индивидуальному⁴. Однако для некоторых исследо-

¹ Ср. например: «Сами термины *язык* и *речь* являются абсолютными синонимами, которые своим содержанием определяют один и тот же объект — коммуникативную систему знаков» (А. Г. В о л к о в, О теоретических основаниях дихотомической гипотезы *языка* и *речи* Ф. де Соссюра, «Вестник МГУ». Филология, журналистика, 1964, 2, стр. 53).

² Н. С. Т р у б е ц к о й, Основы фонологии, М., 1960, стр. 7. К этим трем факторам речи А. Гардинер прибавляет четвертый — актуальные слова (см.: А. Н. G a r d i n e r, The theory of speech and language, Oxford, 1932, стр. 20).

³ S. U l l m a n n, Semantics. An introduction to the science of meaning, Oxford, 1962, стр. 20.

⁴ Ср.: «Разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного» (стр. 38);

вателей языка стало обыкновением утверждать, что это противопоставление неверно, что речь не индивидуальна, а социальна так же, как и язык, на основании того, что «определение речи как явления физического, индивидуального (логически „отдельного“) лишено внутренней логики, если для осуществления речи необходим минимум двое, то не только практически, но и теоретически речь оказывается явлением социальным; следовательно, понятие „речь — индивидуальное“ лишено смысла»⁵. В качестве предварительного ответа на такой силлогизм заметим, что если так односторонне понимать социальность, то тогда неуместны и такие обычные речения, как: «индивидуальный подход к ученикам», «индивидуальный план работы», «индивидуальное соревнование», «индивидуальное обслуживание» и т. п., поскольку и здесь имеются в виду как минимум два лица. Но разве говорят вместо этого «социальное обслуживание» или «социальное соревнование»? Ясно, что «индивидуальное» здесь употребляется в смысле «сольное исполнение», имеющее, разумеется, «социальное значение».

Впрочем надлежащее истолкование формулы: *речь — индивидуальна* было сделано еще А. Гардинером: «Факты, изложенные в последнем параграфе, показывают несомненно, что, говоря о социальном акте, я не имею в виду коллективный акт. Напротив, любой акт речи индивидуален в том смысле, что он исходит из импульса и воли стороны одного лица»⁶. Пределенно кратко и ясно данная ситуация разъяснена Т. П. Ломтевым: «И язык и речь имеют общественную, социальную природу. Но в акте общения социальная природа языка принимает форму индивидуальной речи. Язык в акте общения не существует иначе, как в форме индивидуального говорения»⁷.

Теперь, когда мы имеем дополнительные материалы Ф. де Соссюра, изданные Р. Годелем⁸, можно показать, как Ф. де Соссюр сам разъяснял понимание индивидуального в речи: «В исполнительной части 1) индивиду остается хозяином; 2) исполнение никогда не может быть массовым; оно остается индивидуальным: это речь»⁹.

Таким образом, речь социальна по значению и индивидуальна по исполнению. Язык социален (или коллективен) по его общности (идентичности) для всех членов языкового коллектива. Но, с известной точки зрения, язык также и индивидуален: он хранится в виртуальной форме в сознании отдельных индивидуумов. Значит, наряду с оппозицией языка и речи как социального индивидуальному в принципе возможна синпозиция языка и речи как индивидуального социального. Это понимал и Ф. де Соссюр. При чтении своего первого курса в Женевском университете он говорил так: «Из этих двух сфер (т. е. речи и языка. — В. М.) сфера речи более социальна, вторая более индивидуальна. Язык — индивидуальный клад; все что входит в голову, т. е. в сознание, индивидуально»¹⁰. Впро-

«В речи нет ничего коллективного: проявления ее индивидуальны и мгновенны; здесь нет ничего, кроме суммы частных случаев, по формуле: $(1 + 1' + 1'' + 1''' + \dots)$ », (Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 43).

⁵ А. Г. Волков, указ. соч., стр. 53. Аналогично см.: Ю. М. Скребнев, О разграничении и противопоставлении понятий «язык» и «речь», «Вопросы общего и германского языкознания», Уфа, 1964, стр. 9—10; так же: Н. Д. Андреев, Л. Р. Зиндер. О понятиях речевого акта, речи, речевой вероятности и языка, ВЯ, 1963, 3, стр. 19.

⁶ А. Н. Gardiner, указ. соч., стр. 64.

⁷ Т. П. Ломтев, Язык и речь, «Вестник МГУ», Филология, журналистика, 1961, 4, стр. 69.

⁸ См.: R. Godel, Les sources manuscrites du Cours de linguistique générale de F. de Saussure, Genève — Paris, 1957.

⁹ Там же, стр. 154.

¹⁰ Там же, стр. 145.

чем тут же Ф. де Соссюр добавляет: «Все, что в действительности считается внутренней сферой индивида, всегда социально, ибо ничто не поступает сюда, не будучи прежде санкционировано общим употреблением во внешней сфере речи»¹¹.

Нетрудно понять, почему Ф. де Соссюр при последующих чтениях своего курса отдал предпочтение корреляции: «речь — индивидуальна, язык — социален». Именно эти черты имеют решающее лингвистическое значение: индивидуальность исполнения обеспечивает особенность, уникальность и актуальность речевого акта, социальность языка гарантирует взаимопонимание индивидуумов. Напротив, такие черты, как социальность речи (т. е. наличие говорящего и слушающего) и индивидуальность языка (т. е. способ хранения языка), оказываются лингвистически irrelevantными.

2. Другой ошибочной трактовкой речи является зачисление ее в некий «остаток» речевой деятельности. Автором этой мысли надо считать, видимо, А. Гардинера, который однажды выразился следующим образом: «Когда я говорю, что определенное явление в данном тексте принадлежит „речи“, но не „языку“, я разумею, что, если вы исключите из текста все те традиционные элементы, которые следует называть элементами языка, получится остаток, за который говорящий несет полную ответственность, и этот остаток и является тем, что я понимаю под „фактами речи“»¹². Из этого следует, что в тексте «существуют» элементы языка и речи, которые при известном лингвистическом навыке можно механически разъединить. Едва ли с этим можно согласиться, как и с тем, чтобы речь — естественная форма существования языка — являлась в то же самое время «остатком» по отношению к языку.

Идея о речи как о некоем «остатке» приобрела популярность у некоторых исследователей языка и наиболее ярко представлена у А. И. Смирницкого, который пишет так: «Извлекая язык из речи как с р е д с т в о общения, применяемое в ней, мы получаем некоторый „сверхязыковой остаток“, который не есть нечто однородное и сам по себе не является предметом языкознания. В основном этот «остаток» составляется: а) из индивидуальных особенностей воспроизведения языка (особенностей в произношении, неполном или ошибочном понимании значений отдельных слов и пр.), б) из общественно выработанных особенностей использования тех или других фактов языка для достижения определенного эффекта, непосредственно не относящегося к основной функции языка (в частности, использование известных элементов звучания как такового в литературных целях: рифма, аллитерация, звукопись и пр.); в) из тех произведений, которые создаются в речи путем применения языка и как целые выходят уже за пределы языка, будучи выражениями мыслей, относящихся к той или иной жизненной сфере, обслуживаемой языком: ведь язык как таковой сам не принадлежит ни к одной из обслуживаемых им сфер человеческой деятельности»¹³. Здесь все вызывает недоумение. «Сверхязыковой остаток» и «речь» — это одно и то же или нет? Или «остаток» уже сферы речи, ибо последняя включает в себя и язык? Но почему тогда «остаток» состоит из «произведений, которые создаются в речи путем применения языка»? Ведь шире этого ничего нет в речевой деятельности, речь как раз и состоит из речевых произведений, иначе говоря, в пункте в)

¹¹ Там же, стр. 146.

¹² А. Гарднер, Различие между «речью» и «языком», в кн.: В. А. Звегинцев. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях, II, М., 1965, стр. 17.

¹³ А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, М., 1954, стр. 29—30.

имеется в виду именно речь. Но если язык существует в речи, как это неоднократно утверждает и сам А. И. Смирницкий, то это значит, что язык существует в «сверхязыковом остатке»? Далее, почему в пункте а) смешаны столь различные вещи: индивидуальные особенности «воспроизведения языка», что является действительно неперменной чертой речевого акта, способом существования общего в отдельном, единичном, и языковые ошибки разного характера, которые и впрямь можно назвать «сверхязыковым остатком»?

Следует признать, что повод к толкованию языка и речи как каких-то комплементарных частей или «остатков» имеется у самого Ф. де Соссюра в одной из его парадоксальных формул: «Язык для нас — это речевая деятельность минус сама речь»¹⁴.

Из того, что речь, как и язык, характеризуется своими особыми чертами, никоим образом не следует, что в речевом произведении (предложении, фразе, или высказывании) можно выделить элементы, относящиеся к языку, приписав все остальное мифическому «сверхязыковому остатку». Язык как общее, как сущность существует в речевом акте как в отдельном, как в явлении, и не поддается механическому отделению от речи. Что касается термина «остаток», то при желании им можно назвать те явления в речи, которые считаются, с точки зрения языковой нормы, «неправильностями», «ошибками» и т. п., рассматриваемыми в стилистике или в «ортологии».

3. Как это ни странно, но именно упомянутое только что различие «правильного» и «неправильного», узуального и окказионального, кодифицированного и некодифицированного в речевой деятельности тоже стало основой для различения языка и речи, особенно в работах из области языковой нормы и культуры речи. Это может быть проиллюстрировано таким характерным высказыванием: «Не исключена возможность, что распространение предлогов, *о, за, на, по* и некоторых других (имеются в виду такие выражения, как *доказывать о чем-нибудь, характеристика на кого-нибудь* и т. п. — В. М.) из факта речи превратится в факт языка (разрядка наша — В. М.)»¹⁵.

Я охотно допускаю, что, употребляя термины «язык» и «речь» в таком смысле, т. е. различая «литературное» и «нелитературное», «распространенное» и «нераспространенное» и т. п., иные авторы не имеют в виду сосюрскую дихотомию. Но ведь нужно уважать сложившуюся в науке терминологию или, по крайней мере, оговаривать свое индивидуальное употребление популярных терминов. Впрочем не исключено, что другие авторы, различая узуальное и окказиональное в речи, соотносят это прямо с традиционным различием языка и речи. Ведь сделал же сам Ф. де Соссюр в «Курсе...» такие, видимо, недвусмысленные высказывания как: «Исторически факт речи всегда предшествует факту языка»¹⁶; «Ничто не входит в язык, что не было бы раньше испытано в речи»¹⁷; «Надо отнести к языку, а не к речи все типы синтагм, построенных по правильным формам»¹⁸ и т. п. Эти выражения Ф. де Соссюра, а также превратное истол-

¹⁴ Ф. де Соссюр, указ. соч. стр. 86. Ср. толкование этой формулировки: W. D o g o s z e w s k i, «Langue et parole», «Prace filologiczne», XIV, 1929, Warszawa, стр. 488. См. также критику идеи «сверхязыкового остатка»: Ю. А. Ж л у к т е н к о, Язык и речь, «Вопросы теории и методики преподавания английского и немецкого языка», Сб. научных трудов Киевского инженерно-строительного института, 19, Киев, 1962.

¹⁵ В. Г. К о с т о м а р о в, Культура языка и речи в свете языковой политики, сб. «Язык и стиль», М., 1965, стр. 34.

¹⁶ Ф. де Соссюр, указ. соч., стр. 42.

¹⁷ Там же, стр. 156.

¹⁸ Там же, стр. 122.

кование антиномии коллективного (социального) и индивидуального дали, с одной стороны, пищу для критики идеи о дихотомии языка и речи в виде, например, следующего замечания: «Прежде всего возникает вопрос, для скольких индивидуумов должно быть общим какое-либо явление, чтобы причислить его к „языку“ (в смысле соссюровского коллективного языка), или по какому праву причислить к языку феномены, которые не принадлежат четверти или даже трети, а возможно даже половине индивидуумов»¹⁹. С другой стороны, тот же материал дал основание некоторым сторонникам Ф. де Соссюра для такой экспликации отношения языка и речи: «Я хотел бы сделать предварительное предложение считать *langue* такую часть данного языка, которая может быть эффектно описана в сравнительно малом количестве высказываний, из которых каждое имеет абсолютную релевантность или, по крайней мере, высокую статистическую релевантность, примерно 80—90%. Все за пределами этой системы лингвистических регулярностей можно рассматривать как принадлежащее *parole*»²⁰. Это положение иллюстрируется следующим немецким материалом: предложения типа — *Er schrieb, er sei krank* и *er wußte, daß er krank war* принадлежат языку, а модели — *Er schrieb, daß er krank war* и *Er wußte, er sei krank* — речи. Причем автор утверждает, что такое понимание корреляции языка и речи соответствует соссюровской идее.

Важность статистического учета частотности тех или иных языковых явлений в тексте или распространенности в языковом коллективе не вызывает сомнения для теоретико-лингвистических, нормативно-инструктивных или учебно-методических целей. Но никакого отношения к принципиальному различию языка и речи это не имеет. Уместнее были бы здесь, по-видимому, традиционные термины «узуальное» — «окказиональное» или более современные термины «центральное» — «периферийное»²¹.

4. Термином *речь* у разных исследователей покрываются иногда по крайней мере два явления, внешне сходные, но ведущие к парадоксально противоположным утверждениям. Так, одни считают, что «единственно первично данным в лингвистике является индивидуальное высказывание и всякое высказывание, строго говоря, уникально»²². Другие заявляют, что «речь не может считаться ни предметом, ни даже в собственном смысле материалом лингвистических исследований»²³.

Под широко понятой речью скрываются два смысла: во-первых, конкретный речевой акт, действительно уникальный и неповторимый, привязанный к личности говорящего, к месту и времени, иначе говоря, к ситуации; во-вторых, речевое произведение любой длины, как продукт речевого акта или актов, но изолированный от субъекта и ситуации, другими словами, нарочитое конструирование или воспроизведение чье-либо конкретного речевого акта, но не в целях коммуникации, а, например, в познавательных, учебных и прочих целях. Скажем, предложение *Наш Миша мал*, будучи изолировано от ситуации, а прочитано, допустим, в букваре, теряет актуальную информацию речевого акта (т. е. например, возраст и пол говорящего, характер звуков и интонации, контекстуаль-

¹⁹ K. R o g g e r, Kritischer Versuch über de Saussure's Cours général, Zfom Ph, LXI, 1941, стр. 180. Ср. аналогично: K. M ø l l e r, Contribution to the discussion concerning «langue» and «parole», TCLC, V, 1949, стр. 87—94; J. L. P i e r s o n, Langue — parole? Signifié — signe?, «Studia linguistica», XVII, 1, 1963, стр. 14.

²⁰ B. U l v e s t a d, Statistik und Sprachbeschreibung, сб. «Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik», Darmstadt, 1962, стр. 62—63.

²¹ Ср. название и содержание чешского сборника: «Les problèmes du centre et la périphérie du système de la langue» («Travaux linguistiques de Prague», 2) Prague, 1966.

²² T. B. W. R e i d, Linguistics, structuralism and philology, «Archivum linguisticum», 8, 1, 1956, стр. 28.

²³ Ю. М. Скребнев, указ. соч., стр. 12.

ное содержание и т. п.), сохраняя, однако языковую информацию. Ясно, что если то и другое явление одинаково называть речью, значит смешивать разные вещи.

Надо сказать, что на различие двух феноменов в составе широко понятой речи указывалось неоднократно. Так, Л. В. Щерба различал в числе трех аспектов языковых явлений, с одной стороны, «речевую деятельность», под которой понимал процессы (или акты) говорения и понимания, с другой стороны, «языковый материал» — «совокупность всего говорящего и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это тексты; в представлении старого филолога это литература, рукописи, книги»²⁴. А. И. Смирницкий различал «речевой акт» и «речевое произведение». Первый «характеризуется не только тем, какое произведение он собой представляет, но и самими данными конкретными процессами и произнесения и осознания этого произведения», для второго же «вся конкретность этих процессов оказывается несущественной»²⁵.

Наиболее полно различение речи и абстрагированного из речи внеситуативного объекта было сделано Э. Бюиссансом, который предложил «назвать функциональную часть речи *discours* и расположить это понятие как средний термин в оппозиции *langue* — *parole*... *La langue* есть, следовательно, абстракция по отношению к *le discours*, который, в свою очередь, представляет собой абстракцию по отношению к *la parole*»²⁶. Дальнейшее уточнение этого среднего звена между речью и языком, которое по-русски лучше всего назвать термином «текст», было сделано К. Гаузенблазом, который считает, в частности, что текст (*discourse*) есть феномен языка (*language*) как «высшая единица речи (*speech*)»²⁷ и указывает на ряд черт, характеризующих текст как феномен языка и отличающих его от пограничных феноменов, в том числе от актов речи. По мысли К. Гаузенблаза, дисциплина, занимающаяся классификацией текстов — это традиционная стилистика.

Из сказанного следует с достаточной очевидностью, что в корреляции «язык — речь», если мы хотим оставить второй термин неизменным, речь — это речевой акт во всей его конкретности как действительная языковая реальность, а не текст.

В «речь — речевой акт» включены иррелевантные для языкознания черты: это ситуация, или контекст в самом широком смысле. В таком виде речь не может служить непосредственно материалом для языкознания. Речь должна быть прежде переведена в текст, т. е. следует устранить все иррелевантные (нефункциональные) для языка черты речи. Текст есть основа лингвистического исследования для извлечения языковой системы. Нетрудно заметить, что практически лингвисты всегда только так и поступали и поступают. Например, изучая фонемный инвентарь языка, мы отмечаем черты звуков, отличающие одного индивидуума от другого, характерные для шепота или для крика и т. п., но останавливаемся на различиях в звуках, связанных не с ситуацией, а с произносительными усло-

²⁴ Л. В. Щерба, О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании, в кн: В. А. Звегинцев, указ. соч., стр. 363.

²⁵ А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 9.

²⁶ E. Buysens, De l'abstrait et du concret dans les faits linguistiques: la parole — le discours — la langue, AL (Copenhagen), III, 1, 1942—43, стр. 21. См. также: его же, Les langages et le discours, Bruxelles, 1943, стр. 24 и сл.

²⁷ K. Hausenblas, On the characterization and classification of discourses, «Travaux linguistiques de Prague», 1, 1964, стр. 70.

виями в слове, на стыке слов и т. п., т. е. на текстовых различиях звуков (вариации и варианты фонем) ²⁸.

Итак, «лингвистика, предметом которой является язык, извлекает сведения о языке из текста. Эти сведения могут быть обогащены наблюдениями над процессом речи, хотя специальное исследование речи является задачей других наук» ²⁹.

Таким образом, речь в отношении «язык — речь» — это актуальный, индивидуальный по исполнению (и социальный по значению) акт общения, не являющийся ни «сверхязыковым остатком», ни периферийным (или окказиональным) явлением речевой деятельности, ни продуктом речевой деятельности, изолированным от субъекта и ситуации, т. е. текстом. Непременным условием изучения языка как системы является транспонирование речи в текст — конструкт, служащий базой, материалом лингвистики.

²⁸ Ср. разграничение ступеней абстракции звуков Д. Джоунзом: абстракция первой степени — произнесение звука [u:] одним лицом в разные отрезки времени; абстракция второй степени — произнесение звука [u:] в словах [fu:d], [tju : n], [ru : l], а также разными индивидуумами и т. д. (см.: D. J o n e s, Concrete and abstract sounds, «Proceedings of the III International Congress of phonetic sciences», Ghent, 1938, стр. 1 и сл.).

²⁹ А. Е. Супрун, Язык — речь — текст, «[Казахская] республиканская межвузовская конференция по вопросам методики преподавания и теории иностранных языков, посвященная 50-летию советской власти (тезисы докладов)», Алма-Ата, 1966, стр. 252.